

В Чандраре стояла середина зимы, когда первые вассалы Флоса начали прибывать в его город.

Находясь на балконе одного из верхних этажей дворца, Трей угрюмо смотрел вниз на процессию вооружённых воинов, входивших в южные ворота. Глаза у него были хорошие – даже слишком; Трей был немного дальновзорким – и он видел, что это не обычные люди. Юноша мрачно смотрел вниз, слегка ёжась от холодного ветра, трепавшего его одежду.

Во главе процессии была какая-то женщина в вуали. А возможно, и не женщина... Трей не мог определить с такого расстояния. Да это было и неважно, потому что он узнал людей, которых приветствовали жители Флоса.

Ниточных людей.

Трей уже встречался с ними однажды, несколько недель назад. Теперь он ненавидел их всех, даже если эти не являлись работоторговцами. Он знал, что они – одна из основных рас, населяющих Чандрар, наряду с гарудами и обычными людьми. Издалека ниточные люди выглядели как обычные люди, пока не подойдёшь ближе и не увидишь швы, держащие их тела вместе.

Да, они выглядели как люди, но фактически являлись чем-то похожим на монстра Франкенштейна. Их тела состояли из ткани. Из любой ткани: от жёсткой пряжи до шёлка. Качество ткани было важно для них в социальном плане, чтобы показать свою классовую принадлежность, как полагал Трей. Однако ниточный человек мог быть собран или отремонтирован кем угодно с иглой и ниткой, если под рукой была подходящая ткань.

Вообще-то, по словам Орфенона, всё было сложнее, но Трей не стал расспрашивать его о подробностях. Он в последнее время не разговаривал с Орфеноном.

Да и вообще ни с кем не разговаривал.

Эти ниточные люди, ниточные мужчины и ниточные женщины – возможно, даже ниточные мальчики и ниточные девочки, хотя выглядели пришедшие не так уж молодо, – пришли пешими. У них были длинные изогнутые копья и другое шестовое оружие, а на лицах – вуали.

Скорее всего, это был какой-то элитный отряд, служивший Флосу много лет назад. То, что ниточный народ тоже называл Флоса своим Королём, не удивляло Трея. Флос, несомненно, был

рад видеть их в своей армии, ведь ниточные люди должны быть бесстрашными воинами, выносливыми, живучими и всем тем, что любой разумный хочет видеть в своих войсках. Они не боялись клинков: в конце концов, они могли просто зашить любую рану. Вообще, единственное, чего ниточные люди действительно боялись, – это огня.

Довольно странно, что такой легковоспламеняемый народ называл домом самый жаркий из всех континентов. Дни на Чандраре были наполнены палящим зноем, а ночи были достаточно холодными, чтобы замёрзнуть насмерть. Но, если посмотреть на это с другой стороны, на Чандраре также было меньше растительности. Меньше штук, которые могут гореть.

Позади группы ниточных воинов Трей заметил другую группу. Это были не ниточные люди, но приветствовали их так же громко. Прибывшие выглядели как простые люди, одетые в мантии и держащие в руках... Трей в недоумении прищурился. Они держали зонтики?

В этом не было никакого смысла. Зима в Чандраре не подразумевала такого количества снега, и зонт в этих условиях никак не требовался, если только кто-то не желал уберечься от даже одной падающей снежинки. Однако Трей привык к странностям в этом мире.

Эти люди были похожи на [Магов]. Значит, две группы вассалов пришли в город одновременно? Трей знал, что это означает ещё больше пиршеств, после того как Флос с распростёртыми объятиями примет их во дворце. Для Венита и Маресар он устроил довольно большой праздник, а ведь это были всего лишь два его бывших вассала.

Трей нахмурился и крепче сжал перила. Он не был счастлив. Он не хотел находиться в банкетном зале, сидеть за столами – теми, что подальше от главного стола, – и слушать смех Флоса. Он не хотел видеть сейчас лицо Короля Разрушения. Да и вообще он не хотел никого видеть. Сейчас Трей ненавидел всё это королевство.

Все они были работоторговцами.

Трей не мог в это поверить, когда узнал, но у Флоса были рабы. Вернее, он продавал людей в рабство. Он заключил сделку с Торговцами Рошаля, продав всех пленников, которых он захватил в битве за Рейм. Некоторых выкупили, но остальных...

Рабы. Трей не мог в это поверить. Он не мог поверить, что Орфенон или Венит, казавшиеся такими благородными, могли позволить продавать людей в рабство! Но никто не понял его возмущения. И что ещё хуже...

Трейд закрыл глаза. Прошло уже больше месяца с того дня, когда он понял, что весь континент активно пользуется рабами или допускает их существование. Если некоторые королевства, вроде Рема, были слишком бедны, чтобы иметь много рабов, то у большинства народов рабов было предостаточно. Разумных, держащихся в неволе. И вот прошёл уже месяц, как Трейд перестал разговаривать с сестрой, после того как сильно поссорился с ней именно по этому поводу.

Это было больнее всего. Именно поэтому Трейд уже так долго был один. Потому что он поссорился с сестрой. Потому что Терес не хотела осуждать Флоса за то, что он имеет дело с работорговцами. Потому что она была такой же, как и все остальные.

Их ссора была ужасной. Даже спустя столько времени Трею всё ещё было больно. Он и раньше с ней ссорился. Это было нормально. Но ссоры обычно заканчивались спустя некоторое время. Могли быть слёзы, удары, но в конце концов, через несколько дней, а может быть, и через неделю, они мирились. Трейд и Терес были близнецами. Быть для них врозь было слишком тяжело.

Но эта ссора была другой. Она была горькой, грубой, и шрамы от неё не заживали. Даже сейчас Трейд мог вспомнить каждое сказанное им слово.

\*\*\*

— Ты считаешь, что это нормально? — закричал Трейд на Терес и бросил стул.

Не в сестру, а в стену. Голос юноши был хриплым. Он кричал уже очень долго. У его сестры голос был такой же, но она всё равно кричала в ответ:

— Ты не видишь общей картины!

— Да к чёрту твою картину!

Трейд искал, что ещё швырнуть, но всё остальное в комнате уже было разбито. Он повернулся к Терес с красным лицом.

— Он держит рабов, Терес! Рабов!

— Он их не держит! Идиот! Он их просто продаёт!

— Ох, просто продаёт, да?

— Ты его слышал! Он делает это для своих людей! Без денег от этих купцов...

— Это не купцы! Они работоторговцы!

— Заткнись!

Терес была алой от гнева. Она уже несколько раз пыталась «объяснить» Трею доводы Флоса, но он не желал её слушать. Девушка рвано вздохнула.

— Флос должен защищать свой народ...

— Продавая других людей, так что ли?

— Он должен их кормить! Ты слышал Орфенона... Нам нужны деньги, иначе зиму мы не протянем!

— И это делает работоторговлю чем-то нормальным, да? Ну и ну, думаю, если я проголодался, то надо попробовать кого-нибудь продать!

— Здесь так принято! Тебе не должно это нравиться... мне не нравится! Но мы должны давать Флосу альтернативы, а не просто говорить ему «нет»...

— Ты думаешь, что мы должны просто оставить всё, как есть? Да ты с ума сошла!

— Я говорила с Флосом, и он меня слушал. А ты просто его подставляешь каждый раз, когда начинаешь кричать...

— Нет!

Теря трясло от гнева. Он чувствовал себя преданным. Юноша указал дрожащим пальцем на Терес.

— Я тебя услышал. Ты думаешь, это нормально? Ты думаешь, что это можно продолжать делать? Давать Флосу вот так просто продавать тысячи людей? Ты такая же, как и все они!

— Я не...

Терес выглядела так, словно была на грани слёз или вспышки ярости. Или всего вместе. Однако Трей не слушал. Его голос повысился, треща от эмоций:

— Ты такая же... нет, ты даже хуже, потому что ты знаешь, что это неправильно. Но ты просто больная на всю голову. Ты настолько одержима Орфеноном, что будешь смотреть, как его люди продают рабов, и глазом не моргнув. Ты не моя сестра. Ты чудовище. Ты больная, извращённая дрянь...

В этот момент его сестра обнажила меч, и Трей бросился бежать.

\*\*\*

Позже Трей ворвался в тронный зал и накричал на Флоса. Это он тоже помнил, пусть эти воспоминания были окрашены гневом, а не сожалением. Он подошёл к Флосу и накричал на него. На Короля Разрушения. Каким-то образом ему удалось сделать это без того, чтобы Орфенон вышвырнул его или порубил на куски. Флос тогда только спокойно покачал головой.

— Рабы - часть крови и плоти Чандрара, Трей. Я не стану этого менять. Я также не имею претензий к владению рабами. Я объяснил это Терес, и она понимает. Надеюсь, ты тоже

поймёшь.

Холодная ярость. Трей вспоминал, как кричал на Флоса, а Орфенон отчитывал его за язвительные слова.

— Ты считаешь, что это нормально - продавать и покупать людей против их воли?

— Это лучше, чем оставлять их гнить в камере. В вашем мире поступают именно так, верно?

— Да, но...

Трей запнулся. Взгляд Флоса пронзил его, словно игла. Король тихо произнёс:

— На годы. Двадцать лет за убийство. В некоторых случаях больше. Сорок лет? Это целая жизнь. И эти люди должны подчиняться своим похитителям, жить по их правилам, работать, как часть пребывания в тюрьме... И ты говоришь мне, что это не рабство?

— Это... это не то же самое.

— Разве? По-моему, это похоже на лицемерие. Ваш мир утверждает, что у него нет рабов, но своих преступников вы всё же обращаете в рабство. Что ж, на Чандраре мы делаем то же самое. Трей, в вашем мире рабы могут называться по-другому, и, возможно, вы поступаете с ними по-другому. Но они всё равно остаются рабами.

Флос поднялся, глядя на Трея холодным взглядом. Беспощадным взглядом. Такие глаза подобали Королю, который хладнокровно уничтожил армии, выступившие против него. Почему Трей увидел это только сейчас? Он не хотел в это верить.

— Рабство позволяет использовать преступников, врагов моего королевства, Трей. Они - товар. Запереть кого-то на двадцать лет - это, на мой взгляд, более жестоко и гораздо более бессмысленно. При справедливом правителе с рабами нельзя плохо обращаться, и они могут быть освобождены, если...

— Они всё равно рабы! Какая разница, если с ними хорошо обращаются? У них нет свободы воли! Как ты мог продать всех тех людей? Я думал, что ты лучший Король!

Это задело за живое. Глаза Флоса сузились.

— Некоторые будут выкуплены. Торговцы Рошаля – независимая третья сторона. Они могут отпустить тех, кто обладает богатством, и распорядиться теми, кто не в состоянии купить себе свободу. Моему королевству нужна еда и монеты на зиму, Трей.

— Мне всё равно. Ты думаешь, это нормально? Я думаю, что это совершенно неправильно. Нет... я знаю, что это неправильно.

Флос тяжело выдохнул и вскинул руки в таком раздражении, в каком Трей его ещё никогда не видел.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? Мои подземелья не смогли бы вместить и малой части их числа, а кормить пленников – значит ещё больше разорять моё королевство. Ты хочешь, чтобы я казнил их всех? Даже у меня не хватит на это сил, а я – Король Разрушения.

— Я не говорю тебе убивать их всех! Ты мог взять выкуп с некоторых из них, а остальных... да хоть отпустить их всех, если нужно. Но не обращаться с ними, как с...

У Трея закончились слова. Он не мог объяснить Флосу, почему рабство – это плохо. Он словно сказал Королю Разрушения, что небо голубое, на что Флос ответил, что оно зелёное. Спустя некоторое время Король взмахом руки заставил Трея замолчать.

— Тебе это может не нравиться, Трей, но я ожидаю, что ты смиришься с моим решением. Оно необходимо. Твоя сестра с этим смирилась. Так же должен поступить и ты. Я – твой Король. И это моё королевство. Пока ты мой подданный, ты будешь жить по моим правилам.

Это стало последней каплей. Трей стоял перед Флосом и осознавал правду. Страшную правду. Юноша взглянул в лицо человека, которым восхищался, которого уважал и понимал, а затем он покачал головой.

— Ты не мой Король. У меня до сих пор есть Королева.

Трей отвернулся и вышел из тронного зала. Он больше не разговаривал с Флосом ни в тот день, ни в последующие.

\*\*\*

Трей обнял себя за плечи, стоя на балконе и наблюдая за счастливыми людьми на улицах внизу. Даже сейчас он всё это помнил. И пусть ему было тяжело и одиноко, находясь в ссоре с Флосом и сестрой, юноша всё равно знал, что он прав.

Но это было так тяжело. Теперь Трей каждый день просыпался и вставал в маленькой комнатухе, отдельно от Терес. Он ел в одиночестве, бродил по городу в одиночестве и спал в своей комнате в одиночестве. Никто не хотел с ним разговаривать. Он не тренировался с Марс, и воительница не стала его уговаривать. Орфенон отказывался разговаривать с ним до тех пор, пока Трей не извинится перед Королём...

Они пытались заставить Трея сдаться. Трей это чувствовал. Что-то в груди юноши словно тянулось, хотелось вернуться к Флосу с мольбой о прощении. Именно так, по мнению Трея, ощущалась зависимость: что-то, с чем невозможно бороться, что вечно тянет к себе. Он задумался, не так ли чувствовала себя Венит.

Но Трей не хотел поддаваться. Так он и стоял на балконе, наблюдая за процессией, встречаемой группами ликующих людей, пока позади него не раздался голос:

— Трей.

Юноша испуганно подпрыгнул и, обернувшись, увидел Гази, стоявшую прямо за ним. Полугазер слегка улыбнулась и кивнула ему.

— Я искала тебя. Мой Король хочет, чтобы ты присоединился к нему в тронном зале, чтобы поприветствовать его вассалов.

Трей уставился на Гази. Он не видел её в последнее время. Она была занята разъездами по



окрестностям, наблюдая за соседними странами на случай, если кто-то из них решит напасть снова. Пока что всё оставалось тихо. Все боялись Флоса. Но, разумеется, Король послал именно её найти Трея. Юноша помедлил, а затем покачал головой.

— Король может идти в задницу.

Трей вздрогнул при этих словах. Он ждал что его ударят, но Гази ничего не сделала. Вместо этого юноша лишь услышал вздох.

Она села рядом с ним на балконе. Прямо на перила, балансируя на высоте третьего этажа, словно прямо под её ногами была твёрдая земля.

— Меня долго не было в городе, но твоя сестра и Марс рассказали мне о твоей ссоре с Королём.

Она смотрела на него всеми четырьмя глазами. Это было жутко. Трей отвернулся, всё ещё чувствуя взгляд полугазера на себе. Чувствуя, как он проходит сквозь него.

— Это неправильно. Рабство. Это неправильно, но здесь все так делают. Они все неправы.

— Мой Король сказал бы то же самое о заточении разумных на долгие годы. Разве не так поступают в вашем мире?

Трей почувствовал, как что-то горячее и гневное забурлило в его груди. Терес пересказала аргументы Флоса Гази? Юноша был в ярости, потому что у него не было хорошего ответа на это. Он не был гением! Он не изучал разницу между тюрьмой и рабством. Но это было неважно!

— Это потому, что они заключённые. Они должны быть наказаны. Ладно, может быть, это тоже плохо, но рабство – это другое. Оно означает, что у тебя нет свободы воли. Что одни люди стоят больше других. Это неправильно. Это бесчеловечно.

— Странное слово. Особенно для того, кто не является человеком.

Тре́й покраснел.

— Я не имел в виду...

— Я понимаю.

Гази подняла руку, продолжая улыбаться. Это была фальшивая улыбка, скрывающая её настоящие эмоции. Она сделала паузу, глядя на Трея снизу вверх, когда ледяной ветер обдул её броню, заставив юношу снова поёжиться.

— Знаешь, некоторые народы согласны с твоими мыслями. В Изриле рабов нет. Дрейки не терпят подобного, как и гноллы. Люди на севере изредка владели рабами, но [Леди], такие как Магнолия Рейнхарт, ещё при жизни положили этому конец. А вот в Терандрии, Балеросе и Рхире рабы законны.

Тре́й покачал головой. Он чувствовал только пустоту внутри. Пустоту и одиночество.

— И что? Неважно, если три континента думают, что так правильно.

Гази кивнула, словно он высказал хорошую точку зрения, и продолжила, начав одним глазом следить за шествием внизу.

— Конечно, не со всеми рабами обращаются одинаково. Во многих странах рабы не имеют никаких прав. Но в Чандраре и в королевстве моего господина Флоса с рабами нельзя обращаться плохо. Более того, мой Король освобождает всех рабов, которые ему интересны. А в Рхире и Балеросе раб может быть освобождён, если он проявит себя в бою.

Больше аргументов. Тре́й закрыл глаза. Он искал в своём сердце ту пламенную убеждённость, но чувствовал лишь усталость. Но он не мог не сказать:

— То, что кто-то будет рабом только временно, – это всё равно неправильно. Если ты кем-то владеешь, ты ему не равен. Только потому, что есть закон, это не значит, что он когда-нибудь

будет правильным для того, кто стал рабом. Если ты чья-то собственность, то он может делать с тобой... что угодно. И ты никак не сможешь этому помешать.

Гази выдержала паузу. Она потеряла свою улыбку, бесстрастно уставившись на Трея.

— Я понимаю твои мысли. Как и мой господин, даже если он с ними не согласен. Он очень расстроен тем, что ты не хочешь с ним разговаривать, и хочет снова видеть тебя рядом.

— Нет.

— И это твоё окончательное решение?

Трей открыл глаза и вызывающе уставился на Гази, пусть внутренне и боялся её.

— Да. И ты можешь передать это Флосу. Даже если ты... потащишь меня к нему, я не буду ему подчиняться! Я не буду делать вид, что всё в порядке!

— Он действительно сказал, чтобы я заставила тебя прийти к нему, хотя попросил сначала попробовать тебя убедить.

Трей повернулся, чтобы сбежать, но рука Гази метнулась. Юноша вскрикнул, когда она поймала его за руку. Вырваться было невозможно: полугазер была худощавой, но с места её было не сдвинуть. Гази тихонько засмеялась, когда Трей сдался, а затем, к удивлению юноши, отпустила его руку. Он отпрянул от неё.

— Что...

— Он попросил. Но я вольна послушаться. И в этом случае, только в этом, я так и поступлю.

Гази осталась сидеть на перилах балкона. Трей наблюдал за ней. Он настороженно сделал несколько шагов назад, к дверям, готовый бежать, но полугазер не двигалась. Скорее всего, в его поисках находилась не только одна она. Поколебавшись, Трей медленно подошёл к Гази.

Он пристально посмотрел на неё, и все четыре её глаза встретились с его двумя.

— Ты веришь в рабство?

Она не улыбнулась. В кои-то веки Гази не улыбнулась. Она повернула голову, и уголки её рта слегка опустились.

— Я верю в него. Но мне оно не нравится. Я одинока в этом мнении. Думаю, мой Король об этом забыл. Я и сама забыла, пока не услышала, что ты кричал.

Что-то. Трей почувствовал, как что-то всколыхнулось в его памяти. Он вспомнил её лицо, когда Гази рассказала им, кто такие Торговцы Рошаля. Тогда она тоже не улыбалась.

— Ты тоже не любишь рабство? Почему?

Гази улыбнулась. Но это была грустная улыбка. Она была неловкой, неотработанной, словно она редко делала такое лицо. И полугазер ответила, глядя в землю.

— Когда-то я была рабыней. Пока мой Король не освободил меня.

По какой-то причине Трей именно такого ответа и ожидал. Это всё ещё было неожиданно, но через мгновение характер Гази, её преданность... всё это стало для Трея более понятным.

— Оу...

Юноша задумался на секунду.

— Мне очень жаль.

Она выглядела удивлённой. Все четыре её глаза медленно и сосредоточенно оглядели Трея с ног до головы, а затем Гази кивнула.

— Да. Тебе действительно жаль, не так ли? Это тоже удивительно. Мало кто сожалеет о том, что я была рабыней.

Трей колебался, но он не смог не спросить:

— Ты... то есть как...

— Я родилась рабыней. Но мой Король нашёл меня, когда я была ещё ребёнком. Он купил меня и освободил в течение года. С тех пор я служу ему.

— Оу.

Повторять одно и то же было глупо, но Трей не был лингвистом. Он осторожно облокотился на балкон и уставился на Гази, пока ледяной ветер слегка развеивал её волосы. Полугазер выглядела немного меланхоличной, отстранённой и тоскующей. Она вспоминала. Сейчас на ней не было маски. И она рассказывала ему правду. Свою правду.

— Я была рабыней. Я знаю, о чём ты говоришь, Трей. Я видела хороших и плохих хозяев. Я ненавижу рабство. Но мой Король никогда не был рабом. Он не может себе этого представить и воспринимает это как факт жизни. С рабами в его королевстве обращаются хорошо, и они могут быть освобождены по его приказу. Почему он должен ненавидеть рабство? Венит, Маресар... даже Марс и Орфенон выросли, зная, что с рабом можно хорошо обращаться и уважать его. Но они никогда не были рабами.

— Разве ты не рассказывала им, каково это? Ты когда-нибудь пробовала...

Гази кивнула, закрыв все четыре глаза.

— Много раз. Но это не тот спор, в котором я когда-либо побеждала. Рабство – часть богатства Чандрара, часть преступления и наказания. Если ты хочешь, тебя могут казнить, или же ты можешь стать рабом. Это оформлено как выбор с шансом на свободу. Но именно с ним. С шансом. Иллюзией. Если бы я могла покончить с рабством, я бы это сделала. Невзирая на цену. Но мой Король не станет об этом слушать.

Она сжала кулак. Трей кивнул. У юноши оставался ещё один вопрос, и он задал его:

— Почему Флос не может просто... ну, не знаю... начать сражаться против работорговцев? Что, если я... мы... предложим ему это? Он мог бы освободить всех рабов и забрать деньги, и я уверен, что к его армии много кто присоединится.

Гази удивилась этим словам, а затем засмеялась. Она смеялась, и это был яркий, весёлый звук, которого никто раньше не слышал. Трея стоял с широко распахнутыми глазами. Но затем Гази покачала головой.

— Торговцы Рошаля - это нация, самостоятельная стана. В этом они похожи на Вистрам. Ты знаешь о нём? Так вот, Рошаль по-своему не менее опасен. У них есть своя армия, а денег и богатств больше, чем может присниться большинству государств. У них хранятся бесчисленные магические артефакты, и они готовы защищать свои владения до смерти. Торговцы Рошаля опасны, Трей. Запомни это на будущее.

Её взгляд остановился на Трее, и юноша кивнул, почувствовав, что его сердце забилось быстрее. Теперь Гази не улыбалась, и атмосфера вокруг неё стала более напряжённой. Она обвела взглядом балкон, землю под ними, воздух и небо. Затем она тихо произнесла:

— Я была ещё ребёнком, но я многое видела своими глазами, пока была рабыней. У Торговцев есть способы заставить подчиняться и защищать их. Даже Именные Авантюристы должны быть осторожны, потому что тех, кто нарушает правила Рошаля, ждёт смерть, где бы они ни находились. У них есть убийцы и группы обученных уничтожителей, которые убивали монархов, выступавших против Рошаля. И ещё Торговцы обладают бесчисленными знаниями, уходящими в историю на тысячелетия. Они знают секреты классов и уровней, которых нет даже у моего господина.

Она замолчала на мгновение, а затем повернулась к Трею, и юноша понял, что она никому не рассказывала то, о чём заговорила дальше. Даже Флосу.

— Есть... классы, которые можно получить, совершая только самые ужасные поступки, Трей. Их нельзя получить никаким другим способом. Но это и ненастоящие классы. Они рождаются из отчаяния и грязи.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

Она усмехнулась, искренне, как улыбалась Марс, и в её глазах виднелся намёк на... озорство?

— Потому что мы с тобой думаем одинаково. Из всех вассалов моего Короля мы с тобой понимаем одну истину. И, возможно, потому что я доверяю тебе.

— Но я всего лишь ребёнок из другого мира.

— Ребёнок? Возможно. Но ты тот, кому доверяет Флос.

— Нет.

Трей покачал головой, снова чувствуя себя усталым и расстроенным. Так думали все. Но они ошибались! Юноша беспомощно развёл руками.

— Я знаю, что говорит Флос, но послушай, Гази, это неправда. Он думает, что я особенный или могу быть особенным. Но это не так. Терес может быть особенной. Она умеет пользоваться мечом, а я нет. Я обычный парень. У меня нет никаких талантов.

Гази снова начала изучать Трея взглядом.

— У каждого есть своя особенность. Мой Король умеет находить их в разумных. В тебе наверняка есть что-то, что можно использовать или чему придать форму. Он сказал мне, что ты учёный.

Трей отчаянно рассмеялся в лицо Гази.

— Он так сказал, но это неправда! То есть, да, мне нравится учиться. Мне нравится играть в видеоигры. Мне нравится. Но это не то же самое, что быть в чём-то хорошим, разве нет? В вашем мире люди знают, что они умеют делать, в чём они хороши. Но в моём некоторые люди просто... обычные. Этот мир не похож на мой!

Полугазер принялась размышлять, пока Трей едва не рвал на себе волосы. Спустя некоторое время она кивнула.

— Возможно, этот мир всё-таки похож на твой. Некоторые тратят всю свою жизнь не на тот класс. Другие принимают маленький талант за призвание. Когда-то я думала, что буду только подчиняться и служить без выбора. Думаю, ты не так уж сильно отличаешься от меня.

— От тебя?

Гази горько улыбнулась.

— Может быть, никто тебе не рассказывал? Ах, но Орфенон не стал бы. Марс всё равно, а мой Король... Послушай меня, Трей. По правде говоря, я - самая слабая из Семёрки, среди живых и мёртвых. Я всегда была самой низкой по уровню. Наименее способной.

— Нет. Ты? Серьёзно?

Гази пожала плечами и указала на свой меч и доспехи.

— Я - [Разведчик]. Не специализированный класс. Видишь моё оружие и доспехи? Мой Король выковал их для меня, чтобы компенсировать мои слабости. Но они всё равно есть. Я заслужила репутацию опасного противника, но заслужила лишь отчасти. Я специально работала над тем, чтобы моя легенда стала достойна моего Короля.

— Как?

Трей приблизился. Он был очень близко к Гази, настолько, что чувствовал её запах в холодном воздухе. От неё исходил металлический запах, явно от её доспехов, но в воздухе чувствовалась ещё и пряность. Нет... корица. От неё пахло немного похоже. Пряной корицей.

Гази снова рассмеялась... этот звук напоминал колокольчики.



— Как я сделала своё имя известным? Очень просто. Через страх. Все знают имя Марс, и только глупец не знает имени Орфенона. Но среди тех, кто шпионит и бродит в одиночестве, моё имя произносят шёпотом. Гази Всеведущая. Из всей Семёрки мой титул был дан мне не из насмешки, а из ненависти.

Гази усмехнулась, демонстрируя свою классическую улыбку. Пугающую. Но теперь Трей знал, что это всего лишь притворство. И что она делает это специально. Полугазер глядела на Трея, улыбаясь.

— Я сделала это для него, Трей. Для моего Короля.

— Но он верит в рабство.

Она кивнула.

— Это его единственный большой недостаток. Но он всё ещё мой господин. Я обязана ему всем. Поэтому я следую за ним, несмотря на это. Ты можешь понять? Он разорвал мои цепи. Он освободил меня... не только от рабства в теле, но и в мыслях.

— В мыслях? Как?

— Он уже рассказывал тебе, что у правителей есть секреты. Только они знают тайны этого мира и уровней.

Откуда она это знала? Трей кивнул. Глаза Гази снова обшарили всё вокруг. Затем она наклонилась и прошептала:

— Великие тайны, которые знает мой Король... одна из них – знание о том, что лучше всего использовать один класс. Но это только половина. Другая половина заключается в том, что ненужный класс можно убрать. Это нелегко, но это возможно. И сделать это может только [Король] или другой [Правитель].

— Правда?

Гази кивнула.

— Так он снял с меня цепи. Я больше не [Раб]. [Король] может избавить тех, кто присягнул ему, от ненужных классов. Орфенон был [Предателем]. Такхатрес – [Проклятым Изгоем]. Мой Король освободил всех нас от прошлого и дал нам будущее.

Молчание. Трей понял немного больше, глядя на Гази. Когда-то она была рабыней. У неё не было будущего, пока он не освободил её. Юноша это понимал. И всё же...

— Я не могу простить ему продажу людей.

Гази кивнула.

— Я и не прошу тебя об этом. Но ты не можешь прятаться вечно.

Что-то в Трее согласилось, но какая-то его часть продолжала стоять на своём. Он уставился на Гази, немного рассердившись.

— Так вот почему ты со мной разговариваешь? Ты пытаешься убедить меня пойти к нему и попросить прощения, так?

Гази легонько стукнула Трея по голове. Легонько, но её рука была закована в металл. Юноша пошатнулся, и Гази улыбнулась ему. Искренне.

— Я не заставляю тебя никуда идти. Более того, я думаю, что будет лучше, если ты сейчас не пойдёшь к моему Королю. Возможно, позже ты сядешь со мной за ужином, но только тогда. Ты не обязан меняться для моего Короля, и, возможно, если ты этого не сделаешь, то изменится он. Ещё никто не мог изменить моего Короля... Флоса... кроме него самого. Но, возможно, ты сможешь.

Вот почему она была здесь. Трей почувствовал, что на его плечи легло огромное бремя, когда он понял, на что намекала Гази. Но ему также стало легче. Ведь он теперь был не один.

Некоторое время полугазер и юноша продолжали стоять на балконе, глядя вниз, на последнюю часть процессии, входящую в город. Шествие было долгим; Трей полагал, что ниточных воинов было не меньше нескольких сотен, а магов – не меньше двух десятков.

Гази покосилась на Трея. Она открыла рот, закрыла его и спустя две минуты задала свой вопрос:

— У тебя в комнате есть посох [Мага]. Ты умеешь им пользоваться?

— Откуда ты... нет, не умею. Нас никто не учил магии. Орфенон сказал, что начнёт, но я уже давно с ним не разговаривал.

Трею стало грустно. Он действительно задумался о том, чтобы посидеть с Гази за ужином. Хотя бы для того, чтобы поговорить с Терес. Ему не обязательно говорить, что он был неправ, но ему хотелось поговорить с ней. Гази окинула Трея взглядом и кивнула.

— Может быть, я научу тебя каким-нибудь заклинаниям?

Юноша моргнул и повернулся к Гази.

— Ты умеешь пользоваться магией?

Она усмехнулась и подмигнула Трею одним глазом. Это был очень человеческий жест, который заставил юношу улыбнуться.

— Конечно. Мой народ – газеры – очень магические существа. Их можно назвать расой, от природы склонной к магии, как полуэльфы и в некоторой степени ящеролюды. Но они редко посылают в Вистрам своих представителей. Их магия более... хаотична, чем у обычных [Магов].

— Значит, ты можешь научить...

— Возможно. Посмотрим.

Они подождали ещё немного, пока толпа на улицах расходилась, а солнце быстро катилось к зимнему горизонту. Несмотря на всю его суровость, этот мир был красивым. Трей выдохнул и стал наблюдать, как его дыхание облачком пара уносится в небо. Затем он задал вопрос, ответа на который опасался:

— Гази? Что теперь собирается делать Флос?

Она молчала очень долго, пока тени на балконе удлинялись.

— Пойдёт на войну, конечно же. Время пришло. Армия готова. Со Змеиными Охотниками и Бродящими под Зонтом...

— С кем?

Гази улыбнулась.

— С [Магами] и [Воинами], которых ты только что видел входящими в город. Я узнала их компании. Сейчас они наёмники, но раньше они служили моему Королю.

— Я понял, но почему именно «Бродящие под Зонтом»? Это их название? Почему?

Полугазер пожала плечами.

— Имена у магов редко имеют смысл. Однако в данном случае у каждого мага в группе есть зонтик... штука, защищающая от солнца.

— Я знаю, что это такое. Но зачем он им?

— Мода. И каждый из них зачарован. Они были сильными магами, каждый из них выше 20-го

Уровня как минимум. С их компаниями мой Король, несомненно, начнёт войну.

Сердце Трея учащённо забилося, и он выдержал паузу.

— С кем?

— С теми, кто начал войну против него.

Значит, против шести государств. Трей сглотнул. Он вспомнил запах битвы, видения смерти. Он никогда не хотел видеть это снова. Но он чувствовал, что увидит. Снова и снова.

— Кто будет первым?

— Его ярость направлена в первую очередь на королевство Геллиос и народ Жермины... особенно на их предводительницу, Кварасс. Когда мы пойдём на войну, а это произойдёт через несколько дней, думаю, это будет против неё.

Трейд вздрогнул. Его голос был очень тонким и тихим. Юноше пришлось насильно выдавливать слова из груди. Он хотел заплакать, но это не помогло бы.

— Я не хочу быть здесь, Гази.

Она посмотрела на него с некоторым сочувствием.

— Я знаю. Но ты здесь. И поэтому ты должен следовать за моим Королём. Но ты не один. Помни об этом.

Она протянула руку, и Трейд взял её. На следующий день Флос объявил войну, и Трейд оказался в походе с Королём Разрушения на первую войну в Чандраре. Эта новость разбудила целый континент и весь мир.

Это было шесть недель назад.

\*\*\*

Сейчас.

Карету, быстро подъезжавшую к поместью дома Мелиссар, заметили издалека, и к тому времени, когда она остановилась перед большой усадьбой, где были припаркованы другие кареты, экипажи и прочие виды транспорта, ворота уже были открыты, и из них выбегали слуги.

Возможно, более мелкому [Лорду], или [Леди], или кому-то из высокопоставленных [Рыцарей], [Гильдмастеров] и так далее пришлось бы представиться страже у ворот. Однако пассажиров этой кареты это не касалось. Владельца можно было легко опознать с первого взгляда прежде всего по броскому внешнему виду магического транспорта.

Она была розового цвета. Карета без лошадей, вернее, карета, запряжённая призрачными лошадьми, использующими ману для передвижения с огромной скоростью, была окрашена в болезненный, пугающий глаз розовый цвет. Поговаривали, что именно из-за этого цвета [Бандиты] и другие преступники не решались напасть на карету.

Что было прискорбно, ведь у Магнолии Рейнхарт был постоянный приказ для всех извозчиков сбивать всех [Разбойников], встречающихся на пути. Несколько сотен фунтов зачарованного дерева и металла, несущиеся на огромной скорости, обычно быстро и зачастую эффектно снижали уровень преступности.

С другой стороны, наверное, хорошо, что карета не была покрыта кровью и ошмётками тел, когда её дверь открылась и наружу вышла высокая строгая [Горничная]. В конце концов, здесь было светское мероприятие, и леди Магнолия знала, что впечатление очень важно.

Хотя не то чтобы её это особенно волновало. [Слуги], бросившиеся к карете, отступили, когда Ресса придержала дверь для Магнолии. Они знали, кто здесь главный.

Магнолия Рейнхарт вышла из кареты, одетая в розово-зелёное платье. Именно этими цветами можно было описать платье, больше похожее на произведение искусства, чем на одежду.

По сути это было длинное, струящееся, бальное платье, которое не имело того пышного и оборчатого вида, который так не любила Магнолия. В нём можно было пролезть в узкий коридор и не застрять, а рукава и вырез не были ни завышены, ни углублены. У Магнолии не было желания выставлять напоказ что-либо, кроме самого платья.

Оно было розовым и зелёным. Зелёное снизу, тёмно-зелёное, как лесная мульча или пещерный мох, оно поднималось вверх, светлея по цвету и фактуре, плавно переходя в яркий, практически болезненно яркий розовый, создавая впечатление цветка. Цветка, который носила женщина, которую многие считали самой могущественной человеческой женщиной на континенте. И которая уж точно претендовала на высокое место в любом мировом рейтинге.

Магнолия Рейнхарт.

— Ресса, пожалуйста, скажи этим слугам, чтобы они начали двигаться и поскорее открыли эти двери. Я тороплюсь, и, если я увижу склонённый в поклоне зад, я его пну. Или прикажу тебе это сделать.

— Да, миледи.

[Слуги] расступились, и Магнолия с Рессой, не обращая внимания на приветствия и спешащего за ними главного слугу, быстро поднялись по лестнице в поместье. И [Горничная], и её госпожа шли так, словно ничто не могло их остановить, и ничто и не пыталось. Двери перед ними торопливо распахнулись, и они вошли в поместье семьи Мелиссар.

Магнолия не была в настроении для формальностей. Она вообще никогда не была для них в настроении. Она быстро шла по коридору, не нуждаясь в проводнике. [Леди], конечно, не престало так спешить, но Магнолия была довольно высокоуровневой [Леди], так что ей удавалось быстро идти с изяществом. Можно было бы сказать, что она скользила над полом, или подобрать другое красивое описание, но Магнолия знала, когда она просто быстро шагала.

Она торопилась. [Леди] дала Рессе отойти, чтобы начать отчитывать спешащего [Главного Дворецкого], после чего ткнула пальцем в сторону пары слуг, стоявших у двойных дверей в конце коридора. Те мгновенно распахнулись, и Магнолия вошла в огромный бальный зал, заполненный аристократией Изрила.

— Леди Магнолия Рейнхарт! — объявил [Глашатай], не перечисляя ни один из многочисленных

титулов, прозвищ или званий Магнолии.

Это было сделано по её настоятельной просьбе. Самой крупной рыбе нет нужды объявлять о себе. И, когда это имя прозвучало, в зале воцарилась тишина.

Это был зал. Зал с мраморным полом, с низко висящими люстрами, великолепными инкрустациями на стенах и колоннах, поддерживающих потолок, и, по мнению Магнолии, украшенный довольно изысканными шелковыми занавесками, дополняющими дорогие стеклянные окна.

Это был просторный балльный зал... один из самых больших в округе, и, несомненно, именно поэтому поместье семьи Мелиссар было выбрано для проведения этого собрания знати. Это показатель, знак их влияния и богатства.

Ведь тот, кто мог заявить, что принимал у себя более трети всех [Лордов] и [Леди] Севера, был очень влиятелен, ведь здесь присутствовали только могущественные личности.

Море голов повернулось в сторону Магнолии, пока она спокойно спускалась по ступеням. Рядом с ней появилась Ресса. [Главная Горничная] не изменяла своему строгому чёрно-белому платью, но она всё равно притягивала к себе взгляды.

Никто не преклонил колени, когда Магнолия вошла в зал. Всё-таки она не была королевской особой. Но головы склонились, и некоторые сделали реверанс. [Лорды], одетые в модные доспехи или в тканевые костюмы, зачарованные на равную полному доспеху защиту, кланялись Магнолии, когда она проходила мимо. [Леди], одетые во всевозможные наряды – от объемных и широких платьев, которые Магнолия так ненавидела, до гладких платьев, не оставлявших никакого места для воображения... не то чтобы Магнолия утруждалась что-то воображать – произносили свои приветствия.

На другом балу или собрании, возможно, царил бы стиль сезона, и все были бы одеты в едином ключе. Но эта встреча была другого рода, и личная неповторимость и стиль стояли превыше всего. Магнолия замедлила быстрый шаг до неторопливого ползания, осматривая помещение.

Поначалу случайному наблюдателю или человеку, не привыкшему к подобным сборищам, зал показался бы нагромождением тел. Но Магнолия видела, что здесь протекали свои течения. В зале были расставлены столы с изысканными и экзотическими закусками, открытая центральная площадка для танцев, множество мест, где стояли и общались группы людей...



Самым важным были именно группы. Здесь существовал неписанный кодекс, иерархия. В каждом кругу был самый влиятельный, самый могущественный, самый высокоуровневый или просто политически влиятельный разумный, который, по крайней мере, на время, приковывал к себе внимание окружающих. Политика в Изриле была игрой связей и интриг, стратегий и союзов.

И у Магнолии на всё это не было времени.

— Ресса, найди мне кого-нибудь из говорящих самородков, если они ещё не начали дебаты. Я передам привет хозяйке дома, но у меня нет времени на другие глупости.

— Всенепременно.

[Горничная] повернулась. К Магнолии и Рессе уже спешил слуга с парой сверкающих огранённых кружочками аметистов, оправленных серебром. Ресса взяла с подушки два драгоценных камня и протянула один Магнолии. [Леди] со вздохом прицепила камень на переднюю часть своего платья, и он начал светиться мягким внутренним светом. У всех окружающих её людей на той или иной части одежды был такой же драгоценный камень.

— Никто не говорит. Что ж, хорошо. Итак, где же леди Патриция Мелиссар?

Магнолия огляделась по сторонам. Ресса тоже.

— Она не танцует.

— Нет, и я ожидала, что она сейчас будет выискивать самых красивых мужчин. Странно. Интересно, может, ей нездоровится?

Магнолия продолжала сканировать взглядом окружение и нахмурилась, когда её глаза остановились на мужчине, который стоял в одиночестве и пил из бокала. [Леди] вздохнула, подтолкнув Рессу локтем.

— А вот и лорд Тирион. Как неожиданно его здесь увидеть... а может, и нет. Насколько я вижу, он тоже не танцует.

Выражение лица Рессы заметно не изменилось, но её губы сжались так, что это могла заметить только её давняя подруга, Магнолия. [Леди] чувствовала то же самое.

— Я думаю, что среди присутствующих мало женщин достаточно высокого статуса, с которыми он согласился бы танцевать. Если бы миледи пожелала, я не сомневаюсь, что вы могли бы пригласить его на танец.

Магнолия поёжилась.

— У тебя самые ужасные идеи, Ресса.

Горничная слегка улыбнулась.

— Если хотите, я могу достать подходящую пару тяжёлых сапог.

Магнолия слегка рассмеялась, и люди, стоявшие рядом с ней, но не настолько близко, чтобы можно было предположить, что они подслушивают, тоже захихикали... на случай, если она сказала что-то, над чем стоит смеяться.

— Знаешь, я слышала от наших гостей о замечательных туфлях. Шпильки. Я бы с удовольствием надела пару. Интересно, можно ли их заострить?

— Я поинтересуюсь при первой же возможности.

Магнолия потягивала свой напиток, разглядывая Тириона Вельтраса, отпрыска одной из Пяти Семей Изрила, технически столь же могущественного, как и она сама. Возможно больше, а возможно, и меньше. Для всех присутствующих в зале это был вопрос, ответ на который стоил в бриллиантах.

— Почему бы тебе не потанцевать с ним, Ресса?

— Нет.

— Даже если я прикажу?

— Даже так.

Возможно, их непринуждённая беседа привлекла внимание Тириона, или же он просто услышал объявление. Магнолия вздохнула, увидев, как мужчина начал оглядываться по сторонам, и почувствовала, как его пронзительный взгляд без особой любви остановился на её лице. Она вернула такой же взгляд.

— Он идёт сюда. Несомненно, из-за обязательства высказать приветствия.

— Мне попытаться его остановить?

— Лучше не рисковать, Ресса. К тому же он уже не так слаб, как раньше. На него не надавишь, и я боюсь, что он может разгромить весь этот зал со всеми артефактами, которые на нём есть. Позволь мне применить более мягкий подход.

Магнолия направилась навстречу Тириону. Группа [Лордов] и [Леди], заметив идущих навстречу друг к другу Магнолию Рейнхарт и Тириона Вельтраса и поняв, что они стоят у них на пути, тут же поспешили отступить в стороны. Между подошедшими не было особой любви, и поэтому Тирион лишь с чопорной формальностью поклонился Магнолии, а она ответила ему лёгким кивком.

— Леди Магнолия. Для меня большая честь приветствовать вас в этот день.

— Лорд Тирион. Я надеялась, что вы наконец съедите что-нибудь мерзкое и взорвётесь, но судьба к нам неблагосклонна, не так ли?

Глаз мужчины слегка дёрнулся, но он скрыл это, проведя рукой в перчатке перед лицом. Он был одет так же, как и Ресса, то есть во всё чёрное. Он был на голову выше Магнолии, что раздражало леди, так как при разговоре с ним у неё сводило шею.

— Ты как всегда колкая, Рейнхарт.

— Только для тебя, Тирион. Только не говори мне, что этот кризис всё же заставил тебя покинуть свои владения?

Мужчина бесстрастно обвёл взглядом помещение.

— Я посчитал это важным делом. Однако мне следовало ожидать, что ты тоже будешь присутствовать. Насколько я помню, ты редко пропускаешь подобные мероприятия.

— Я их никогда не пропускаю, — ответила Магнолия, наблюдая за людьми и прислушиваясь к их разговорам на периферии.

Она знала, что у многих здесь есть Навыки или артефакты, позволяющие подслушивать. Не то чтобы она боялась высказать что-то важное... но вот Тирион мог сболтнуть что-то разрушительное, не подумав. В этом месте информация была валютой, и кто-то мог сколотить целое состояние на одной неосторожно брошенной фразе.

Тирион Вельтрас изучал Магнолию совершенно нерадостным взглядом. Он действительно считал, что [Лорд] обязан высказать ей приветствия, как равной. Как же это утомляло.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы встречались в последний раз?

— Четыре года, полагаю. Я с глубоким прискорбием узнала о кончине твоей жены. Надеюсь, ваши два юных сына в надёжных руках.

При этих словах мужчина напрягся, и металлический бокал в его руке погнулся. Магнолия увидела ярость в его глазах и заметила, как Ресса торопливо направилась к ней, запустив руку в платье. Магнолия остановила свою горничную движением пальца.

— И что ты под этим имеешь в виду?

Магнолия сохраняла спокойствие, глядя на Тириона.

— Именно то, что я сказала. Это был искренний комментарий от чистого сердца.

Мужчина выдержал паузу, и [Леди] увидела, как он заметно перестроился, успокоившись и слегка склонив голову.

— Тогда я буду считать его таковым. Приношу свои извинения.

[Лорд] не ставит под сомнение слова [Леди]. Магнолия громко вздохнула.

— Ты действительно не изменился. Как бы ни был приятен этот разговор, Тирион, я, пожалуй, пойду пройдусь босиком по осколкам стекла, чтобы сменить обстановку.

— До следующей встречи, Рейнхарт.

На этом они расстались. Магнолия пошла прочь, и спустя несколько мгновений Ресса оказалась рядом.

— Это было весело.

— Через мгновение станет ещё веселее.

— О, что теперь?

— Слева.

Предупреждение Рессы прозвучало за мгновение до того, как в сторону Магнолии снова началось движение. К Магнолии направились женщина и мужчина, оба в ярких одеждах. Она узнала обоих и с улыбкой их поприветствовала. Приблизившаяся [Леди] на улыбку не ответила.

— Бетал! Как я рада вас видеть!

— Магнолия.

[Леди] сделала отточенный реверанс, а мужчина слегка ей поклонился. Магнолия продолжала улыбаться, но заметила выражение лица женщины напротив себя. Оно было совершенно не радостным.

— Вы выглядите расстроенной, леди Бетал. Могу я узнать почему?

Женщина ответила отрывисто:

— Я не знаю. Быть может, вы сможете объяснить, что за фигура в капюшоне была обнаружена моими стражниками в саду два дня назад. Они бросились в погоню и убили отбивающегося незваного гостя. Как оказалось, это был [Убийца]. Вы имеете к этому какое-то отношение, Магнолия?

По мере того как Бетал говорила, в воздухе нарастало какое-то чувство. Не просто чувство. Аура, окружавшая женщину. Её можно было назвать «шипастой». Воздух словно наполнили невидимые лезвия... и это было не просто ощущение. Люди вокруг двух леди начали быстро отходить в стороны, но Магнолия лишь улыбнулась.

— Леди Бетал, если бы я послала за вами [Убийцу], разве я была бы так глупа, чтобы послать одного? Мы с вами не ссорились, и я считаю, что мы друзья. Поверьте мне, этот [Убийца] был не мой. На самом деле, я очень благодарна вам за то, что вы его убили. Или её?

[Леди] принялась изучать лицо Магнолии.

— Её. Она была человеком.

— Я рада, что вы не пострадали. И, полагаю, ваши охранники тоже?

Бетал начала колебаться, и опасная аура вокруг неё ослабла. Затем она улыбнулась Магнолии и с облегчением рассмеялась. Казалось, что её ярости, бурлившей секунду назад, никогда и не было, и этот эффект был обескураживающим, если вы никогда раньше не встречали леди Бетал.

— Ну конечно же нет! Как глупо с моей стороны. Я так волновалась по этому поводу, а мой дорогой муж всё уверял меня, что вы никогда не будете иметь к этому никакого отношения!

— Ни за всё золото Балероса.

— Тогда позвольте мне сказать, как я рада вас видеть!

Леди обменялись лёгкими поцелуями в щёки, и Бетал начала восклицать, глядя на платье Магнолии. Затем женщина повернулась к мужчине, стоявшему рядом с ней.

— И, разумеется, вам знаком мой муж.

— [Кавалер] Томаст. Разумеется! Как поживаете, сэр Томаст?

— Хорошо, миледи Рейнхарт.

Элегантный мужчина в дублете поклонился и поцеловал протянутую руку Магнолии. Она улыбнулась ему, а затем снова обратилась к леди Бетал:

— Вы не видели Патрицию? Я должна поприветствовать её, пока не начались споры.

Бетал покачала головой, поджав губы.

— Я её не видела. Но её дочь вон там.

Она указала. Магнолия повернулась и увидела юную девочку, которая скромно смеялась с другими девочками её возраста, наблюдая за танцующими в центре зала. Магнолия улыбнулась, когда её взгляд упал на струящиеся каштановые волосы.

— Ах, юная Элиасор. Ей, наверное, уже восемь.

— Девять, — пробормотала Ресса, когда они с Томасом кивнули друг другу.

Магнолия вздохнула.

— Ах, такая юность. Я не буду подходить и пугать её, Ресса. Быть может, ты пойдёшь и спросишь у слуг, где Патриция...

Магнолия прервалась, когда кто-то заговорил. На самом деле, все головы в зале повернулись, и почти все разговоры разом прекратились. Потому что говорившего могли слышать все, кто носил драгоценную брошь, словно они стояли рядом с говорящим.

— Король Разрушения вернулся. Неужели просто будем продолжать делать вид, что это не проблема, и болтать без дела? Давайте уже обсудим этот кризис!

Магнолия поискала взглядом подавшего голос. Она узнала одного из наиболее агрессивных [Лордов], настоящего ястреба войны, который был раздражён ожиданием. Многие смотрели на него неодобрительно, но, видимо, его положение не пострадало от того, что мужчина высказал то, что было у всех на уме.

По обычаю, дискуссию должна была начать отсутствующая в данный момент хозяйка дома. Но, как только раздался первый голос, стали раздаваться и другие. Обычно это были один-два голоса одновременно, но массовый разговор мог превратиться и в неразборчивый гул. Магнолия начала прислушиваться к разговору, позволяя первым ораторам высказать свои соображения и оставляя свои слова на потом.



— Если уж вы затронули эту тему, лорд Рельт, то начните с фактов. Король Разрушения действительно вернулся?

— Все доклады говорят именно об этом. Если только у вас нет шпионов в том регионе?

— Мои информаторы утверждают, что он пробудился несколько месяцев назад.

— Если это игра в угадайку, когда он проснулся, то я не стану утруждаться. Но это первый случай, когда он предпринял действия, похожие на те, что были в прошлом, — резко заговорил кто-то.

Магнолия увидела, как леди Вуврен щёлкнула ручным веером, который она держала в руках. Внезапный треск заставил всех слушателей вздрогнуть.

— Он уничтожил нацию и обезглавил её [Королеву]! Кварасс из Жермины мёртва, а столица лежит в руинах! И Король Разрушения уже идёт на Геллиос! Он снова уничтожает народы, и что нам думать об этом?

Тишина. Кто-то кашлянул, а затем заговорил:

— Это была война возмездия.

Вуврен обернулась к говорившему.

— Война? Это была резня! Он уничтожил вражескую армию за один день!

— После того как шесть государств объединили свои силы в коалицию.

— Да. Если это не подтверждает, что Король Разрушения вернулся, то я думаю, что мало что подтвердит.

— Так что же вы хотите сказать?

— Вопрос был в том, действительно ли Король Разрушения вернулся. Я отвечаю, что да и что он не изменился, — заговорил в свой камень Рельт, перекрывая голос следующего оратора.

Магнолия вздрогнула и пожалела, что громкость, создаваемую чарами, нельзя уменьшить.

— Нет, он не изменился. И его нужно остановить сейчас, иначе он снова будет уничтожать страну за страной и угрожать нашим берегам.

— Вздор!

Это был другой [Лорд]. Он был второстепенным, но держался уверенно, когда Рельт бросил на него взгляд.

— Вы не боитесь Короля Разрушения, лорд Халаст?

— Я не боюсь человека на другом континенте, окружённого государствами, у которых есть всякая мотивация желать его смерти.

— Это те же самые мысли, которые позволили ему в прошлый раз поглотить весь Чандрар!

Халаст отрывисто ответил:

— В прошлый раз мы не знали, на что он способен. Теперь все знают, какую опасность представляет собой Король Разрушения. Народы объединятся и уничтожат его. У него больше нет армий, и, насколько я знаю, лишь несколько его бывших вассалов присоединились к нему.

— У него есть его Семёрка...

— Теперь только пятёрка. И мне сообщили, что Америс всё ещё находится в Вистраме.

— Она не присоединилась к нему?

— Возможно, [Маги] убедили её остаться. В любом случае, Король Разрушения уже не так опасен, как раньше.

— Так говорили и в прошлый раз. Если ты настолько глуп, что веришь, что он не добьётся успеха...

— Он убил всего одного правителя. И не [Королеву]! Это была Кварасс Жермины, которую едва ли можно считать королевской особой.

— Кто такая Кварасс?

Магнолия открыла рот, чтобы ответить, но леди Бетал, стоявшая рядом с ней, первой заговорила в свой камень.

— Кварасс так же важна, как и [Королева]! Она - лидер племени...

— [Вождя] едва ли можно сравнивать с [Королевой].

Ответ Бетал был настолько острым, что мог резать железо:

— Кварасс - это должность, почитаемая и признаваемая во всём Чандраре, лорд Луден. Она, а также пять других лидеров племён считаются частью Королевств Приюта, которым подвластна большая часть восточного Чандрара, как минимум политически. Когда-то Кварасс и другие Королевства Приюта были могущественными империями, способными бросить вызов драконам. Её смерть вызвала волнения на всём континенте!

— Хорошо сказано, — пробормотала Магнолия, обращаясь к Бетал, когда разговор немного затих, а лорд Луден покраснел.

Бетал улыбнулась Магнолии и прошептала в ответ. Она не касалась пальцем камня, поэтому её слова не донеслись до остальных:

— Я наблюдаю за женщинами, которыми восхищаюсь.

При этих словах Магнолии пришлось откашляться, чтобы скрыть, как она закатила глаза. Насколько она понимала, Кварасс не была женщиной, которой можно восхищаться, по крайней мере, той, кто считает, что честь и порядочность – это не пустые слова.

Спор тем временем продолжал разгораться. Так было всегда, и Магнолия слушала краем уха, как пришедшие на собрание [Лорды] и [Леди] спорят о том, что делать с Королем Разрушения.

— Мы можем послать золото государству...

— На одно золото едва ли можно купить оружие и солдат. Маленькая страна многого не сделает.

— А что насчёт Императора Песков?

— А что с ним?

— Он в войне против Короля Разрушения.

— Если это так, то пройдёт много времени, прежде чем они встретятся. А если он одержит победу, то [Император] едва ли будет лучше Короля Разрушения.

— Я говорю, что мы должны хоть как-то действовать.

— Вы предлагаете послать армию за море?

— Глупости!

— Я предлагаю действовать хоть как-то, даже если это будет осуждение Короля Разрушения...

— Подписать трактат? Что это даст?

— Единый фронт...

— ...не будет частью любой декларации...

— ...финансирование компании наёмников с Балероса...

— ...посмотрим, что скажет Вистрам...

— Могу я предложить план действий?

Голос, прервавший споры, был глубоким, низким и рокочущим. Он заставил замолчать всех остальных ораторов. И он заставил Магнолию повернуть голову. Она повернулась, обшаривая взглядом толпу, и увидела говорившего, стоящего в одиночестве у колонны. Она не замечала его до этого, но, услышав слегка гнусавый, глубокий голос, леди мгновенно поняла, кто только что заговорил.

Осторожно повернувшись, Магнолия шикнула на свою [Горничную]:

— Ресса, почему ты не сказала мне, что здесь минотавр?

Женщина пожала плечами.

— Я подумала, что вы его заметили.

— В конце концов, я бы его заметила, но, когда ты указываешь на таких важных разумных, это

ускоряет процесс!

Теперь говорил минотавр. Он был одет в костюм, сшитый специально для него, подчёркивающий его телосложение и бицепсы. Магнолия уставилась на минотавра не с благодарностью, как Бетал, а задумчиво. Здесь был минотавр, которого профинансировали для участия в подобных мероприятиях. Странно.

— Мне неловко вас прерывать, но меня послал мой [Король], чтобы я выступил на этом знаменательном собрании. Я выступаю в роли эmissара. Дом Миноса готов вступить в войну с Королём Разрушения, чтобы он больше никогда не угрожал миру, как это было в прошлом.

По залу пронеслись возгласы и ропот. Магнолия вскинула брови.

— Если это так...

— Армии Миноса? Они доплывут до Чандрара?

Минотавр снова заговорил, осторожно прикасаясь к камню.

— Мой [Король] готов послать армию, способную победить Короля Разрушения. Однако он понимает, что такой поступок будет расценён многими королевствами как начало вторжения. Он поручил мне и другим обратиться к ассамблеям с просьбой оказать официальную поддержку.

— Каким образом? — резко произнесла Магнолия в камень.

Она почувствовала, как головы повернулись в её сторону. Минотавр ей поклонился.

— Мы просим письменный договор, позволяющий нам беспрепятственно плавать, и небольшой вклад в нашу армию. Оружие или золото позволит нам подготовиться к битве.

— Значит, вы обращаетесь к нам как наёмники, верно?

Минотавр сделал паузу. Это слово было для них щекотливым, но Магнолия следила за его реакцией. Она увидела, как он вежливо улыбнулся ей и остальным ничего не выдающей улыбкой.

— Мы хотим считать это скорее делом чести, чем чем-либо ещё. Наш народ готов сражаться, чтобы защитить мир. Это предложение сделано из добрых побуждений.

И это выставляет её в невыгодном свете за то, что она задала ему подобный вопрос, не так ли? Магнолия сузила глаза, когда люди начали с облегчением выражать поддержку.

— Я уверена, что мы можем предложить какой-нибудь небольшой знак благодарности...

— Бессрочное соглашение от наших домов не должно стать проблемой. Что скажете, если мы поставим это на голосование?

Магнолия не знала, хочет ли она этого. Но она чувствовала настроение в зале, и оно сразу же склонилось к этому неожиданно удобному решению. Слишком удобному. Она взглянула на Тириона. Магнолия знала, что если она проголосует против резолюции – а у неё нет на это веских причин, – то сможет перетянуть на свою сторону немало голосов. Но это сработало бы только в том случае, если на голосовании присутствовал бы ещё один отпрыск Пяти Семей, а здесь был только Тирион.

Мужчина настороженно наблюдал за минотавром. Но, когда дело дошло до голосования, Тирион проголосовал в поддержку, и Магнолия тоже.

Ресса нахмурилась, глядя на Магнолию, которая нерадостно слушала обсуждения, сколько дать минотаврам и как сформулировать заявление о том, что люди Изрила выступают против Короля Разрушения.

— Какие-то проблемы, миледи?

— Как много мы знаем о минотаврах, Ресса? Да, они всегда сражаются со своим врагом на островах, но что из недавнего?

Ресса задумалась.

— Несколько стычек на море. Неудачная война с Балеросом около пятнадцати лет назад. Война с Терандрией, в которой Изрил участвовал двадцать восемь лет назад. Многочисленные стычки...

— Однажды они пытались захватить мир. Но какая раса не пыталась?

Магнолия, нахмурившись, изучала минотавра. Ресса же смотрела на него бесстрастно. Минотавр ничем себя не выдавал. Магнолия не сомневалась, что он был обучен [Придворному] или какому-то подобному классу. И это было странно. Она никогда не видела минотавра на дипломатической службе.

— Вы думаете, это уловка?

— Возможно, но, скорее всего, это уловка в том смысле, что они выполнят своё слово, а потом потребуют чего-то другого, когда окажутся в выгодном положении. Возможно, земли, принадлежавшие Флосу. Это даст им немалую территорию, а минотавры всегда этого хотели.

— Вы считаете, что мы не должны были за них голосовать?

— Я думаю, нам нужно подождать и посмотреть. И, возможно, мне придётся подумать о том, чтобы найти шпионов, желающих посетить острова... хотя они будут сильно бросаться в глаза.

Магнолия вздохнула, когда разговор подошёл к концу. Собравшиеся в зале разумные, казалось, в целом успокоились, но [Леди] решила подлить масла в огонь. Сегодня она пришла сюда не просто так.

— Прежде чем вы разойдётесь, [Лорды] и [Леди] Изрила, позвольте мне вынести на обсуждение ещё один важный вопрос.

Головы с опаской повернулись в сторону Магнолии. Она оглядела зал, всё ещё наблюдая краем



глаза за минотавром.

— Неужели вы все забыли, что к югу от Высокого Перевала Гоблин-Лорд собирает армию?

Молчание. Затем раздался голос:

— Мы в курсе, но это проблема дрейков, разве нет? При всем уважении, леди Рейнхарт, я слышал, что они занимаются этим вопросом.

— О? Вы так уверены, что они одолеют Гоблина-Лорда?

Тон Магнолии был ледяным. Минотавр даже бровью не повёл на её слова, от чего леди внутренне выругалась.

— Они послали против него две армии. Вместе они должны сокрушить Гоблина-Лорда.

— А если он сбежит? Гоблин-Лорд находится в одном шаге от становления Королём Гоблинов. И я слышала и другие слухи. Никто больше не слышал о тревожной истории? О так называемом Великом Вожде гоблинов? О том, который сражался вместе с последним Королём Гоблинов?

Минотавр слегка дёрнулся при упоминании гоблинского Вождя. Магнолия услышала, как заахали те, кто не слышал этих слухов.

— Великий Вождь? Это что, класс?

— Вместе с последним Королём Гоблинов? Почему мы не слышали о таком гоблине?

— Он поддержит Гоблина-Лорда? Если это так...

— Вы предлагаете нам послать армию, чтобы разобраться с Гоблином-Лордом, леди Рейнхарт?

Последний вопрос застал Магнолию врасплох. Она оторвалась от созерцания минотавра, который вернулся к бесстрастному наблюдению, чтобы улыбнуться говорящему.

— В этом и вопрос, не так ли? Посылать ли нам армию? Великий Вождь находится на наших землях. Я считаю, что он должен быть уничтожен, несмотря ни на что, и я уверена, что вы все с этим согласны. Что касается Гоблина-Лорда...

— Пусть с ним разбираются дрейки, — перебил её кто-то.

Только один человек мог на это осмелиться. Магнолия повернулась к Тириону, и он холодно встретил её взгляд. Мужчина уверенно заговорил, когда все взгляды обратились к нему:

— Даже если Гоблин-Лорд уничтожит обе армии дрейков, пусть. Если он не придёт на север – а если он придёт, то, скорее всего, по пути уничтожит Лискор, – мы только выиграем.

Поднялись возмущённые голоса.

— Уничтожит Лискор? Если он пойдёт на север, наши самые южные города тоже падут! Эстхельм уже разрушен! Вы предлагаете нам допустить, чтобы это случилось со всеми городами в округе?

Ответ Тириона был спокоен:

— Эстхельм действительно пал, но люди вернули город. Они отбили от ещё одной армии Гоблина-Лорда.

— Что?

По залу эхом прокатился шок. Магнолия стиснула зубы. Тирион обязан был знать об Эстхельме. [Леди] знала, что он задумал, но не могла этому помешать. Мужчина невозмутимо продолжал:

— Наши города могут постоять за себя. Они знали, как рискованно находиться ближе к границе. Если Гоблин-Лорд придёт на север, мы соберём армию, чтобы разбить его. И если он действительно придёт на север, то нанесёт больше вреда дрейкам, чем нам. Это всё будет к лучшему, если начнётся война.

— Нам не нужна война с дрейками! Нам нужны союзники, а не новые враги!

Магнолия вцепилась в свой говорящий камень, но настроение в зале было против неё. Люди выступали за то, чтобы оставить Гоблина-Лорда в покое, особенно если это сулило неприятности их южным соседям. Тирион забросил разговор, сделав своё дело. Магнолия сорвала с платья драгоценный камень и бросилась к мужчине.

— Ты идиот, Тирион Вельтрас.

— А ты не видишь опасности, которую представляют собой дрейки, Рейнхарт.

Его голос был холоден. Тирион покосился на Рессу, и та одарила его самым холодным своим взглядом, который ничуть не обеспокоил мужчину. Магнолия глубоко вздохнула и постаралась сдержать желание пнуть своего собеседника.

— Посылать армию, чтобы бессмысленно убивать тысячи дрейков каждые несколько лет, не помогает этому континенту, Тирион. Что, по-твоему, произойдёт, если при очередной стычке ты их победишь?

— Если мы победим их на Кровавых Полях, то возьмём Лискор. С этим перевесом мы прорвёмся за Высокий Перевал. Они держались долго, но Гоблин-Лорд – это та возможность, которая нам нужна.

Тирион спокойно смотрел на Магнолию. Она уже открыла рот, чтобы сказать ему, что их враг не дрейки, как вдруг раздался крик.

[Леди] резко повернула голову. Кто-то стоял в двойных дверях. Фигура в чёрном и с мечом в руке, с которого капала кровь. Её лицо было скрыто чёрным саваном, и в этой фигуре безошибочно угадывался [Убийца]. Он оттолкнул [Главного Дворецкого] в сторону, и тот упал,

истекая кровью из раны на груди. [Убийца] поднял что-то левой рукой и бросил.

В центр зала полетела голова, с влажным шлепком упав на мраморный пол. Раздалось больше криков. Магнолия уставилась на голову, а затем увидела размытое пятно.

— Магнолия!

Ресса рванула вперёд, но летящий кинжал успел перехватить Тирион. Он отбил его рукой в перчатке, встав между Магнолией и [Убийцей]. [Леди] растерянно уставилась на мужчину.

— Ты только что спас мне жизнь, Тирион Вельтрас?

Он повернулся к ней, когда [Убийца] начал убегать.

— [Лорд] не имеет дела с подлыми убийцами и заговорами. Если я убью тебя, это будет сделано открыто.

Магнолия кивнула. Затем она схватила Рессу, которая охраняла её спину.

— Найди остальных. Их должно быть больше!

Ресса заколебалась.

— Я должна охранять...

— Здесь Тирион. Иди!

[Горничная] замешкалась, а затем превратилась в пятно, которое мгновенно переместилось к окну. Ещё больше людей закричали от звука разбившегося стекла, а Тирион, сузив глаза, уставился на Рессу.

— Без неё [Убийце] удастся сбежать. Это твой план?

Магнолия немного тяжело дышала. Она увидела, что люди отправились в погоню за [Убийцей], когда их отпустил шок. Минотавр тоже бежал, хотя он вряд ли мог надеяться поймать головореза.

— Нет. Он не уйдёт.

Шум перекричал особенно громкий голос. Вперёд выскочил человек с рапирой в руке. Томаст, муж леди Бетал.

— [Дуэль Чести]!

Фигура в чёрном достигла дверей, но остановилась на полушаге, когда Томаст применил свой Навык. Голос [Кавалера] прозвучал на весь зал:

— Повернись ко мне, убийца. Ты не сможешь отступить, пока дело не будет решено клинком.

Магнолия увидела, как плечи убийцы опустились. Он повернулся, и Томаст направился к нему, сжимая рапиру. Зал расступился, освободив им место.

Магнолия не стала смотреть за кончиной убийцы. Она подошла к лежащей на полу голове, оттеснив людей, образовавших вокруг неё широкий круг. Магнолия уставилась вниз, пока один из лордов и женщина-авантюристка внимательно осматривали голову, не прикасаясь к ней. [Лорд] увидел леди Магнолию и встал.

— Леди Рейнхарт, пожалуйста, отойдите. На голову могут быть наложены чары или заклинания, вызывающие вред при прикосновении.

— Тогда проверьте их наличие. Но я хочу увидеть покойного.

— Хватит терять время.

Кто-то протиснулся мимо неё. Магнолия повернулась и увидела Тириона. Он вошёл в круг собравшихся и, несмотря на протесты авантюристов, нагнулся и поднял голову за волосы.

На его руке что-то вспыхнуло. Это было кольцо, изнутри которого померк свет. Тирион осмотрел голову и повернул её лицом к Магнолии. Леди почувствовала толчок в желудке, но сдержала это чувство. Вместо того чтобы упасть в обморок, вырвать или уйти на нетвёрдых ногах, как это сделали некоторые люди, стоявшие позади неё, она просто вздохнула.

— Ах, Патриция.

Голова мёртвой женщины была белой, обескровленной. Черты её лица были искажены ужасом, но это было её лицо. Магнолия узнала его с первого взгляда, ведь оно принадлежало её подруге.

А теперь она была мертва.

Тирион уставился на Магнолию.

— Это ещё один из твоих заговоров, Рейнхарт?

— Нет. Некоторые мои враги хотят меня убить. И, похоже, моих друзей тоже.

Магнолия говорила машинально, пока в её голове снова и снова мелькала одна фраза.

Круг Шипов.

Тирион пожал плечами.

— Это не моё дело.

Он повернулся и передал голову [Лорду], который едва её не выронил. Затем Тирион вышел из зала, пока Томаст вытирал свой клинок об одежду мёртвого убийцы. Может, таинственная фигура и была способным головорезом, но Магнолия знала, что мало кто может сравниться с кем-то из [Дуэлистов] в поединке один на один.

В итоге Ресса вернулась с пустыми руками. Голова исчезла, и зал наполнился шоком и страхом. Не обращая внимания на обращённые к ней взгляды и шепотки, Магнолия нашла леди Бетал с её мужем.

— Леди Бетал. Томаст. Спасибо, что избавились от убийцы.

На глаза мужчины набежала тень, когда он поклонился.

— Это был мой долг. Я сожалею о смерти леди Патриции.

— Да. И у неё не было мужа. Поэтому сейчас необходимо решить новый вопрос.

Магнолия повернулась, и Ресса молча указала ей на группу девочек, одна из которых безудержно рыдала. Единственная дочь Патриции, Элиасор, попыталась сделать реверанс, когда Магнолия подошла к ней, но женщина только отмахнулась от этого.

— Не надо формальностей. Элиасор, мне очень жаль, что твоя мать была убита таким чудовищным образом. Но теперь, когда её больше нет, нужно кое-что сделать.

[Леди] прикоснулась к драгоценному камню, который протянула ей Ресса, и громко, перекрывая все остальные голоса в зале, произнесла:

— Леди и лорды! Жизнь леди Патриции безвременно оборвалась! Однако её дочь, леди Элиасор, осталась жива. Теперь она является главой семьи Мелиссар. Я предлагаю вам всем приветствовать её!

Наступила пауза, а затем леди Бетал, стоявшая рядом, поклонилась Элиасор. Девочка

установилась на неё широко раскрытыми глазами, а затем на леди Магнолию, когда та сделала то же самое. Окружающие [Лорды] и [Леди] вспомнили о своём долге и начали кланяться или делать реверанс в знак признания Элиасор.

Было больно смотреть, как девочка пыталась ответить со всё ещё бегущими по щекам слезами. Магнолия заговорила с ней более тихим голосом:

— Я знаю, что сейчас не время думать о таких вещах, но ты теперь единственный наследник своей семьи, Элиасор. Если ты пожелаешь, я пришлю своих охранников и [Горничных], чтобы они помогали тебе в ближайшие недели.

Девочка открыла рот, поперхнулась и продолжала плакать. Магнолия выдержала паузу.

— Боюсь, что в смерти твоей матери виновата я. Леди Патриция была одним из моих доверенных лиц, надёжным другом. У неё было своё место в моем кругу, и я надеюсь, что когда-нибудь смогу предложить тебе то же самое. Но я клянусь тебе, Элиасор, я найду тех, кто заказал смерть твоей матери, и убью их всех, независимо от того, где они прячутся. Даю тебе слово.

— Спасибо, леди Рейнхарт.

Магнолия кивнула Элиасор, помедлила, а затем ушла.

— Леди Бетал, леди Прайд, леди Вуврен, леди Зантия, ко мне.

Они вышли из толпы, пока окружающие расступались, давая им дорогу. Магнолия окинула взглядом некоторых из главных леди Изрила и кивнула в сторону дверей.

— Оставим Элиасор с её горем. Мы должны поговорить.

Они вышли из зала, пока Магнолия старательно хранила безучастное выражение лица, с трудом сдерживая бурлящие внутри эмоции.



— Это слишком жестоко – вот так поставить её управлять всем домом. Неужели она должна стать [Леди] в мгновение после смерти матери, Магнолия? Неужели нельзя было подождать неделю? Или месяц? Или годы? — пробормотала Бетал, когда они шли по коридору.

Леди Зантия, высокая, старая, но крепкая, кивнула с сочувственным видом. Голос Магнолии прозвучал несколько резче, чем она того хотела:

— Что вы хотите, чтобы я сделала? Взяла управление делами этого дома за неё? Или поручила это дальнему родственнику или другу? Как она тогда станет настоящей [Леди]? Нет. Нет, она должна сама либо вырасти достойной этого вызова, либо потерпеть неудачу. Наша помощь может быть только такой. Помощью.

Она шла и говорила, пока в её груди разгорался огонь. Какая же наглость. [Убийца], посланный убить на дворянском собрании.

— Это Изрил, леди. Не Балерос или Чандрар, где война – часть жизни. Не Рхир, где борьба за жизнь – часть жизни. И не Терандрия, где монархи диктуют, кому жить, а кому умирать. Здесь мы сражаемся словами и шипами. Мы знаем мир, но мир с дрейками и гноллами кровав. Мы должны бороться в одиночку. В одиночку, даже когда мы вместе. Чтобы выжить. Те, кто не могут выжить, умирают.

Все четверо из сопровождения Магнолии, её свиты, которую она так редко собирала вместе, уставились на неё. Магнолия огляделась.

— Призовите своих самых надёжных защитников, своих солдат, леди. Бетал, ваш муж и ваши рыцари Лепестка будут необходимы. То же самое относится и к остальным. Я планировала рассказать вам об этом после встречи, но сейчас идёт война. Я переформирую свою свиту. Готовьтесь двигаться сразу и вместе. Больше никто не погибнет. Никто.

Они кивнули и направились к своим каретам, пока навстречу им бежали слуги, вооружённая и настороженная охрана. Ресса подошла ближе и встала рядом с Магнолией. Она посмотрела на свою госпожу и увидела в глазах Магнолии непролитые слёзы. Но голос Магнолии оставался ровным:

— Похоже, мои враги гораздо смелее и изобретательнее, чем мне хотелось бы, Ресса. Мне нужна армия, и не только из моей свиты.

— Что ты собираешься делать?

Магнолия вздохнула. Она знала, что должна сделать, но ей это не нравилось.

— Пришло время вернуться в родовое поместье. У моего деда есть армия, и я получу её от него.

— Разве ты не поклялась, что никогда не вернёшься, только если тебя не потащат туда за ноги под твои крики?

— Пора нарушать обещания. Мой друг погиб, Ресса. Один из моих людей, один из моих союзников. У меня будет армия, даже если мне придётся забить этого старика до смерти.

— Что ж, тогда я начну отправлять [Сообщения].

Магнолия кивнула. Она чувствовала себя усталой, растерянной и обеспокоенной. Она смотрела назад, на бальный зал, и чувствовала, как в груди становится тесно. Магнолия никогда не знала, что говорить детям. Но она должна была что-то сказать. Вот только при смерти матери никакие слова не помогут. Магнолия отвернулась и посмотрела в сторону заката.

— Боюсь, что весна будет очень напряжённой, Ресса.

[Горничная] только кивнула в ответ.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/2954/3912974>